

УДК 94(47)“12/13”:32:930(045)

*Д.А. Котляров***А.В. ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ О МЕЖКНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА РУСИ**

Статья посвящена рассмотрению взглядов А.В. Экземплярского на особенности отношений между русскими князьями в XIII–XV веках на основе изучения конкретных суждений, содержащихся в его труде. Предпринимается попытка оценить вклад историка в развитие историографии Средневековой Руси. Обращается внимание на необходимость исследования места и роли в отечественной исторической науке историков «второго плана».

Ключевые слова: великий князь, княжеский удел, межкняжеские отношения, «татарский» период, историография.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-119-125

Среди «служителей исторической науки» есть имена, каждое из которых является своего рода вехой в становлении исторического знания. В то же время основной фундамент исторических знаний закладывался скромными незаметными тружениками, чьи имена можно вспомнить только по той работе, что ими проделана. Основное внимание историков, занимающихся изучением отдельных историографических периодов и проблем, безусловно, приковано к ключевым фигурам ученых-историков. И в этой связи важно обратиться к роли в изучении истории, так сказать, историков «второго плана», работа которых не столь явно заметна, но при внимательном исследовании становится возможным уточнить их действительное значение в отечественной историографии и место, занимаемое ими в разработке ключевых аспектов российской истории.

К числу таких историков относится и Андрей Васильевич Экземплярский. С этой фамилией, безусловно, хорошо знаком каждый исследователь средневековой русской истории, но сохранившиеся биографические сведения о нем самом очень фрагментарны. Его академическая карьера, к большому сожалению, не состоялась. Уроженец Владимирской губернии, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, ученик К.Н. Бестужева-Рюмина, изучавший польские источники по истории Смуты, вполне мог стать университетским профессором. Но в итоге стал преподавателем истории в гимназиях Польши, Екатеринбург и Перми, а с 1882 по 1887 г. работал младшим помощником библиотекаря 1-го (русского) отделения центральной библиотеки Петербургской академии наук [1, с. 48; 3, с. 40]. Причиной этого, по всей видимости, была острая конкуренция за должность профессора на кафедре русской истории Санкт-Петербургского университета в это время [2, с. 244].

Вклад его в изучение отечественной истории достаточно значителен. Ему, в частности, принадлежат 473 статьи в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Самая известная работа, принадлежащая его перу, помимо нескольких небольших изданий по генеалогии князей отдельных уделов Средневековой Руси [6, 7, 8, 9] — это, конечно, двухтомный труд «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.».

В книге Андрея Васильевича Экземплярского представлены подробные биографии русских князей XIII–XV вв., основанные на кропотливо проанализированных автором известиях самых различных по своему характеру источников. В ходе изложения А. В. Экземплярский, отступая от заявленного справочного стиля, невольно давал собственные характеристики и общественному строю удельной Руси, и характеру и особенностям межкняжеских отношений, высказывал порой весьма оригинальные и обоснованные суждения о самих князьях, их политической роли. Постараемся из этих довольно мозаичных, часто кратких, как бы между делом высказанных положений составить более или менее цельную картину представлений историка о княжеской власти на Руси в «татарскую» эпоху.

Важно проследить исторические воззрения автора, который, хотя и не заявлял свою принадлежность к конкретному направлению в историографии, и чьи взгляды по ключевым проблемам истории Средневековой Руси не могут претендовать на оригинальность в силу справочного характера труда. Тем не менее без использования (пусть и критического) этой обстоятельной, скрупулезно и тщательно выполненной работы трудно представить любое современное научное исследование по проблемам княжеской власти на Руси в XIII–XV вв.

В предисловии к первому тому своего обширного труда А. В. Экземплярский сформулировал основные подходы, которые собирался использовать в дальнейшем изложении, указал на особенности политического развития северорусских земель в домонгольское время. По его мнению, старая жизнь южной удельно-вечевой Руси перенесена на север «только в обломках, в хилом состоянии, а потому и не могла держаться там крепко». В Северной Руси сложился совершенно новый тип князя, «который сознательно начал стремиться к единовластию», вече превратилось в имевшую случайный характер простую народную сходку. Уделы выросли в самостоятельные княжества, с властью, наследуемой в одной семье. Поэтому межкняжеские отношения «становятся более определенными и устойчивыми». Устанавливается наследование княжеских столов по праву старшинства в нисходящей линии. Это привело к запутанному характеру межкняжеских отношений, к «столкновению новых понятий со старыми» и, как следствие, к неизбежным столкновениям между княжескими родами. А. В. Экземплярский указывал, что татары оказали «громадное влияние как вообще на жизнь русского народа, так и на междукняжеские отношения в частности».

Повествуя о великих князьях владимирских, историк отмечал, что колонизация Северо-Восточной Руси была «делом не князей, а самого народа». Князья, пришедшие на верхнюю Волгу, «нашли здесь уже крепко осевшее славянское население», которое по сравнению «с окружавшими его со всех сторон финскими племенами, представляло, так сказать, небольшие островки в громадном море» [4, с. 1]. «Благодаря духовному превосходству своей природы» малочисленное славянское население этих островков «не только не было затоплено волнами финского моря, но и утишило и покорило эти волны, шаг за шагом делая приращения к своим островкам». Итогом славянской колонизации стало участие финских племен в призвании князей [4, с. 1–2]. Деятельность первых князей была направлена главным образом на сплочение, объединение славянских племен. Легкость освоения территорий за пределами славянского расселения объясняется тем, «что князья являлись в места, уже колонизированные славянским племенем» [4, с. 2].

Историк сделал предположение, что племенное объединение меря под влиянием длительного совместного проживания со славянскими переселенцами, превосходившими их в духовном развитии, «подчинилось им и духовно, и материально, а потом, вследствие скрестных браков и других обстоятельств, и ассимилировалось им» [4, с. 3]. Роль князей в народной колонизации северо-востока Руси заключалась в содействии этому процессу, начавшемуся до их появления, основанием новых городов и поселением, преобразованием существующих поселений в города [4, с. 3]. До возвышения Владимира Святославича землями Верхнего Поволжья владели княжьи мужи, а с конца X в. здесь управляли, как правило, великокняжеские сыновья. При Юрии Долгоруком Ростово-Суздальская земля обрела самостоятельность [4, с. 4]. Андрей Боголюбский, избранный на княжение ростовцами и суздальцами, выгнал из Ростово-Суздальской земли братьев и племянников и стал сначала «единовластителем области», а после взятия его войсками в 1169 г. Киева «становится истинным великим князем Руси» [4, с. 4].

А. В. Экземплярский рассматривал древнерусские города как самостоятельную социальную силу, обладавшую политическим влиянием и действовавшую наряду с князьями: описывая противоборство Ростова как главного города со своим пригородом Владимиром, он отмечал, что Ростов «взял временный перевес, посадивши у себя и в Суздале племянников Андрея, Ярополка и Мстислава Ростиславичей, которые потом должны были уступить первенство дядьям своим, Михалке и Всеволоду Юрьевичам, — а вместе с тем и Ростов уступил Владимиру» [4, с. 4]. Межкняжеские отношения коррелировались, таким образом, с отношениями между городами как самостоятельными политическими единицами в пределах одной земли, их борьбой за главенство.

В подборке летописных известий из истории Новгородской земли, приводимой в приложении к первому тому, историк затронул проблему генезиса древнерусской государственности. Он полагал, что основа позднейших баснословных сказаний «лежит отчасти в действительных фактах, а отчасти в понятном желании как сравнительно древних летописцев, так и позднейших сводчиков летописных известий, хроникеров, найти начало и рациональное (естественное) объяснение того или другого явления, факта и пр. Призвание князей «не подлежит сомнению», его причиной стало «отсутствие крепкой власти, которая могла бы сдерживать частные эгоистические стремления, идущие в разрез с общим благом народа и производящие смуты и усобицы» [4, с. 297]. Наглядное изображение фактов летописцами соответствовало уровню их мышления [4, с. 298]. По мнению А. В. Экземплярского, бесспорен факт, что Новгород возглавлял союз племен, призвавший князей, и поэтому этот город возник давно и имел «сравнительно высокое материальное развитие... еще до призвания князей».

Благосостояние Новгорода было обусловлено торговлей, вызвавшей «среди новгородцев сильное колонизационное движение на восток и северо-восток, в бассейн Волги и Северного ледовитого океана» и определившей особенности новгородской истории. [4, с. 299].

Псков и Изборск представляли собой новгородские пригороды, «славянские ... форпосты, необходимо являвшиеся при колонизационном ли, или при стратегическом движении новгородских славян в земли чуди и литовских племен» [4, с. 388]. Псковом при Рюрике управлял княжой муж, а с XII в. город становится пригородом Новгорода, который, получив автономию от Киева, становился обладателем прерогатив, ранее принадлежавших князю. Тем не менее Псков обладал исключительным положением по сравнению с другими новгородскими пригородами: жители Пскова принимали участие в новгородском вече, борьбе новгородских партий, давая перевес одной из них, в войнах Новгорода. Псковичи, «являясь как бы гражданами самого Новгорода», приглашают к себе князя «от руки князя новгородского» и «считают правым делом своим изгнать его; не допускают новгородского князя к себе, когда замечают со стороны его покушение на свободу граждан», самостоятельно заключают оборонительные и наступательные союзы. Псков становится, в конце концов, «до такого положения, которое считает удовлетворительным для своего политического самолюбия» [4, с. 388–389].

Экземплярский, сопоставляя политический строй Новгорода и Пскова, приходил к выводу, что «при неопределенности административного устройства, которая давала возможность всякому проходившему из пустяков, из личных корыстных целей поднять на ноги всех новгородцев, замутить воду и ловить в ней рыбу, - при таком устройстве Новгород мог быть по временам бессильнее даже Пскова, где, как в пригороде, дела должны были идти согласнее, плавнее». Новгород без поддержки своих пригородов, прежде всего Пскова, игравшего роль «оплечья», пограничного стража, «совершенно потерял бы свое значение центра северного славянства, а затем и значения торгового» [4, с. 389].

Москва как новый политический центр Руси выросла из первоначального княжеского становившегося при проезде с юга в Суздальскую землю, затем становится привлекательным местом для охоты в силу обилия лесов вокруг, «чем-то в роде дачи, даже поместья». Впоследствии, когда Москва становится центром удела, «а потом великого и, наконец, вся Руси, она стала разрастаться и расширяться, вбирая в себя окрестные селения и слободы».

Рассматривая биографии удельных князей, А.В. Экземплярский делает ценные замечания о характере межкняжеских отношений на Руси в XIII–XV вв. В домонгольский период для них были характерны регулярные длительные междоусобицы. Совместное «братское» управление древнерусскими землями князьями Рюриковичами неизбежно перерастало в длительные междоусобные войны, приводившие к установлению единовластия наиболее сильного из князей, а не старшего в роду. Так, после смерти Всеволода Большое Гнездо в начавшейся между двумя старшими его сыновьями борьбе за великое княжение владимирское остальные братья разделились, встав на сторону одного из них, «некоторые перебежали потом от одного к другому», выпрашивая для себя более выгодные, т. е. более доходные, уделы [5, с. 272].

Говоря об основании князьями новых городов, А.В. Экземплярский рассуждал, что летописное выражение «заложить город» можно рассматривать в двух значениях. В первом смысле оно означало возобновление городских укреплений или их строительство вокруг поселения. Во втором, буквальном смысле, выражение означало основание князем нового города. Так, Серпухов был заложен как город князем Владимиром Андреевичем в 1374 г., «вероятно, он не имел даже укреплений до сего времени, а это не соответствовало, в то давнее время, понятию о нем, как о городе, месте укреплений; малочисленность населения его также не соответствовала понятию о нем, как о городе, а потому вместе с образованием из него города, надобно было сделать его многолюдным. Потому-то Владимир Андреевич и дает людям и всем купцам ослабу и льготу и увенчивает здание тем, что сажает там наместника» [5, с. 287–288].

Значительную роль в урегулировании конфликтов между князьями играло православное духовенство. Говоря об отказе в благословении митрополитом Петром князя Дмитрия Михайловича в 1311 г. на поход против Нижнего Новгорода, историк объяснял этот поступок главы церкви миротворческой функцией и одновременно неприязненным отношением митрополита и тверского епископа Андрея и жителей Твери (1, с. 62, прим. 168). Большую роль в политическом влиянии того или иного князя играли присущие ему личные качества: Михаил Александрович тверской представлял опасность для Москвы не только потому, что обладал влиянием на удельных князей Тверской земли, но и благодаря своим уму и энергии [4, с. 98].

Распутывая чрезвычайно сложные и запутанные отношения между князьями Северо-Восточной Руси в конце XIII столетия, историк замечал: «...Страсти властолюбия и корыстолюбия были слишком разнузданы, чтобы объятые ими князья могли действовать справедливо по отношению друг к другу и логично. Трудно разобраться в этом хаосе.» [4, с. 27, прим. 106]. Причиной нестабильности межкняжеских отношений, постоянных переходов князей с одного удела на другой в 1288–1294 гг. можно считать борьбу за владимирский великокняжеский стол между старшими сыновьями Александра Невского — Андреем и Дмитрием Александровичами, вокруг которых группировались «мелкие князья», «руководимые личными интересами, а иногда и необходимостью» [5, с. 32]. Шел процесс дробления княжеских отчин на более мелкие уделы, связанный с «размножением рода» удельных князей. Так, после 1320 г. Ростовское княжество, как и сам центр княжества Ростов, было поделено на две половины между сыновьями князя Василия Константиновича. Распределение земель устанавливается по границам владений потомков старшего сына Василия Константиновича, Федора, которому досталась Сретенская сторона. Их дети и внуки «владели в известном порядке, по старшинству, каждый своим отчинным достоянием, а остальные родичи должны были довольствоваться весьма мелкими наделами, получая иногда от них свои прозвища, а иногда и сами давая им названия от своих прозвищ». Превращаясь в мелких вотчинников по мере дробления своих владений, потомки удельного князя «по необходимости должны были уходить на службу к другим князьям, не только великим, но и удельным, сильным материально». Тем не менее они по-прежнему сохраняли статус удельных князей «с правами владетельных, хотя этих последних внешним образом, конечно, не могли проявлять, по бедности и мелкости своих владений» [5, с. 37–38].

Пользуясь тем, что мельчавшие и слабеющие в материальном отношении ростовские князья, сохраняя свои вотчинные права, были, начиная с правления Ивана Калиты, «в полном подчинении у московских князей», великие князья делали примыслы земель в Ростовском княжестве [5, с. 42]. Первоначально, по договору между великим князем и продающим свои владения князем удельным, покупатель (т. е. великий князь) не мог свободно распоряжаться новой территорией, права собственности на нее были ограничены [5, с. 43, прим. 150]. Мелкие удельные князья, «сохраняя свои уделы, могли в то же время находиться на московской службе» [5, с. 101]. Историк обратил внимание на трудности в исследовании процесса измельчания удельных князей, потери ими политической самостоятельности, того, как они «сделались или простыми поместными владельцами (вотчинниками), или, владея наследственными вотчинами, вместе с тем стали в ряды слуг московского государя». Великие князья, подчинившие себе удельных, по своей воле определяли их на свою службу. В качестве примера А.В. Экземплярский приводит судьбу одного из выдающихся русских воевод XV века Федора Давидовича Пестрого, из рода князей стародубских [5, с. 185].

Историк описывает политику, которую проводили великие князья московские в отношении остальных князей, обращая внимание на ее особенности, те специфические черты, которые она приобрела в отношении разных древнерусских земель. Наиболее серьезным конкурентом Москве в длительной борьбе за первенство на северо-востоке Руси в XIV в. являлась Тверь. Тверские князья выстраивали самостоятельную политическую линию. Князь Михаил Ярославич тверской, будучи великим князем владимирским, опасаясь гнева хана Узбека, «щадя отчину, воздерживался от военных действий (чтобы, конечно, не раздражить хана и не навлечь гнева его на отчину)», о чем он и говорил в беседе с тверским епископом, удельными князьями Тверской земли и своими боярами [5, с. 465]. Иван Калита начал политику стеснения прав удельных князей. А.В. Экземплярский предполагал, что ряд князей погибли «по его думе» [5, с. 180].

Великий князь московский в определенной степени являлся гарантом стабильности системы межкняжеских отношений. Так, после смерти Ивана Красного в 1359 г. «для северо-восточной Руси наступила смутная година». Бывшие до того в зависимости от великого князя московского удельные князья старались освободиться от опеки Москвы, использовали в своих интересах конфликт московского и суздальского князей, ездили в Орду, «где старались получше устроить свои дела, и успевали в этом, хотя в орде происходили тогда кровавые смуты и перевороты» [5, с. 49]. В то же время московские князья своими действиями в отношении удельных князей постоянно нарушали традиции межкняжеского взаимодействия, усиливая собственную власть и влияние, утверждая новый порядок наследования великокняжеского стола — от отца к сыну, взамен прежнего — от брата к брату вопреки упорному сопротивлению: «Старинные понятия о старшинстве в наследовании великокняжеского стола хотя уже, так сказать, и выветривались в массе тогдашнего общества, стоявшего за новый по-

рядок престолонаследия, но еще держались между самими князьями, хотя бы только как видимый законный предлог для достижения честолюбивых или властолюбивых целей»». [5, с. 139]. Удельные князья сопротивлялись «московскому насилию». [5, с. 164, прим. 489].

К сфере особого внимания великих князей московских относилась политика по отношению к Новгороду. По сравнению с удельными князьями «великий князь имел более шансов на занятие новгородского стола, что было в интересах Новгорода — иметь у себя сильнейшего князя, только бы он не стеснял его вольностей» [4, с. 42]. Еще одной особенностью положения древнерусских князей было вступление их на поприще политической деятельности в раннем возрасте: «Если они и не были в раннем возрасте самостоятельными деятелями, то часто бывали свидетелями известных событий, в которых принимали иногда и участие, под присмотром других, с целью ознакомления с практической стороной жизни» [5, с. 65]. В малолетство князей их действиями и определением статуса их отношений друг к другу руководили бояре-советники (отношения двоюродных братьев князей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича [5, с. 294]. А. В. Экземплярский предполагает, что, очевидно, в межкняжеских отношениях существовал обычай назначать уделы детям ранее составления завещания отцом, «которое, таким образом, как формальный акт, только подтверждало существующий факт» и поэтому княжеские сыновья «еще при жизни отцов старались увеличить свои уделы прикупками» [5, с. 303]. Образовывались так называемые отъездные волости, предназначенные для сыновей удельного князя, с целью создания новых уделов, что, по мнению историка, могло практиковаться издавна [5, с. 339].

Незадолго до смерти Дмитрия Ивановича в его отношениях с Владимиром Андреевичем произошло размирье из-за произошедшего по договору с московским князем 1388 г. снижения политического статуса серпуховского князя: Владимир Андреевич обязывался признать великого князя «отцом», тогда как ранее называл его «братом старейшим», а сына великого князя — «старшим братом». А.В. Экземплярский думал, что этот договор основывался на желании великого князя московского «укрепить новый порядок престолонаследия так, чтобы великокняжеский стол переходил от великого князя — отца к старшему его сыну, т. е. чтобы великокняжеский стол оставался в одном роде и переходил от одного к другому в нисходящей линии по праву первородства». Не лучшим образом складывались отношения Владимира Андреевича с великим князем Василием Дмитриевичем: не получив приращения к своему уделу «оскорбленный дядя уехал сначала в свой Серпухов, а потом ... в Торжок». По вскоре заключенному договору серпуховский князь получал к своей «отчине» два города, взамен «по желанию племянника, без ослушания садится на коня, если случится поход». При этом ставилось условие, по которому княгиня Владимира Андреевича с детьми оставались в Москве как бы заложниками «на случай его измены» [5, с. 300].

Характеризуя отношения между князьями в период усобицы второй четверти XV в., А. В. Экземплярский подчеркивал: «Легко было предвидеть, что у юного великого князя будут соперники в лице дядьев его, хотя бы он наследовал престол и в более зрелом возрасте. Старинные понятия о старшинстве, по крайней мере между самими князьями, еще не вполне были вытеснены новыми понятиями о престолонаследии» [4, с. 148]. Возможную усобицу предвидел еще великий князь московский Василий Дмитриевич и успел предпринять ряд мер для ее предупреждения. Тем не менее Юрий Дмитриевич, вынашивая враждебные замыслы против Василия Васильевича, основывался не на внутреннем смысле завещания Дмитрия Донского, «а на букве его, хотя, может быть, внутренне и сознавал всю неосновательность своих притязаний» [4, с. 149]. Мир, заключенный между дядей и племянником «был не прочен: можно было ожидать, что при таких условиях одна из сторон, на которой будет надежда на успех, постарается если не уничтожить, то смирить противника, не обращаясь к хану, решения которого московские князья давно уже трактовали как пустую формальность, нужную, может быть, для мелких князей и излишнюю для себя...» [4, с. 152].

Историк указывал на недовольство старших сыновей Юрия Дмитриевича назначением лишённому Москвы Василию Васильевичу в качестве удела Коломны, так как это угрожало их претензиям «закрепить великое княжение за своим родом» и вызвало переход простых людей на сторону Василия II [5, с. 282]. Когда же, после смерти Юрия Дмитриевича в 1434 г. на московском великокняжеском столе оказался Василий Косой, братья отказались признать его, «может быть, под влиянием зависти, или потому, что видели непрочность положения брата, видели, что рано или поздно он должен будет уступить Василию Васильевичу, и открыто перешли на сторону последнего, пославши к нему в Нижний Новгород приглашение — идти на великокняжеский стол» [5, с. 283]. Отношения между князьями в этот период были неискренними, были обусловлены политическими соображениями и потому неод-

нократно разрывались [5, с. 326]. С княжением Василия II связано появление социальной группы служилых татар на Руси, получивших в кормление от великого князя города и волости. «Этих, так сказать, татар-нахлебников великие князья приручали, ласкали и употребляли их против их же единоплеменников, и за такую политику, кажется, нельзя порицать московских князей» [4, с. 170]. Это было использовано князьями-врагами Василия Васильевича для народного возмущения, организации заговора против великого князя и его свержения с престола Дмитрием Шемякой. Василию II, «не раз обманутому Шемякой, приходилось, во что бы то ни стало, как-нибудь отделаться от него» [4, с. 178]. В то же время набеги татар и «крамола Шемяки» не нарушали обычного хода дел в государстве, чем и объясняется умалчивание летописями об их состоянии [4, с. 179]. Смерть беспокойного и энергичного Шемяки развязала руки великому князю в отношении других князей и Новгорода [4, с. 180–181]. Чтобы предотвратить угрозу оспаривания великокняжеского престола у законного наследника «по новому порядку престолонаследия (от отца к старшему сыну)», Василий II еще при жизни объявил старшего сына Ивана великим князем и соправителем. Тем самым «народ еще при жизни Василия привыкал смотреть на сына его Ивана, как на великого князя [4, с. 187–188]. Великий князь сознательно стремился к единой державе, ликвидируя уделы и вольные общины и постарался предоставить средства для завершения этой политики своему сыну в завещании. Историк отмечал падение значения Владимира как символа великокняжеской власти, межкняжеская борьба велась за Москву [4, с. 188].

Волнения в Новгороде в 1484 г. историк объяснял продолжением унаследованной «от недавно порушенной старины» противоборства между двумя партиями [4, с. 241]. Для того чтобы «изгладить из памяти новгородцев всякие воспоминания о прежней вольности и сделать население Новгорода более устойчивым, крепким Москве, Иван Васильевич прибегнул к мере бессердечно крутой, но в высшей степени действительной: он постепенно переводил более видных новгородцев в Московскую землю, а на их место переселял москвичей». Тем самым, «хотя и с некоторыми трудностями», «пресловутая новгородская вольность» была искоренена великим князем. Это значительно облегчило покорение Вятки, которую А.В. Экземплярский характеризовал как «отпрыск новгородской вольности», «детище Новгорода» [4, с. 241–242]. Историк подчеркивал зависимость «дел вятских» от состояния московско-казанских отношений. Средством для прекращения постоянных вторжений и грабежей московских земель со стороны казанцев явилась поощряемая нижегородскими и московскими князьями русская колонизация земель в низовьях Оки. Но этого было недостаточно — нужно было преодолеть главную препону на пути к Средней и Нижней Волге — Казань. Наличие там влиятельной аристократии обуславливало существование ряда партий, что облегчало вмешательство извне в казанские дела [4, с. 244]. С 1487 г. установились отношения «подручничества» казанского хана к московскому государю, влияния Москвы на Казань [4, с. 246].

Характеризуя в целом правление Ивана III, А.В. Экземплярский отмечает, что он, «действуя медленно и осторожно в делах внешней политики, держался той же тактики и в политике внутренней, хотя порой, по обстоятельствам, допускал и более решительные меры» [4, с. 246]. По мнению историка, княжение Ивана Васильевича можно охарактеризовать как блестящее, поскольку «только при нем западная Европа более серьезное внимание обращает на дикую Московию» [4, с. 254]. Интенсивные внешнеполитические связи России при Иване III не имели долговременных последствий для страны, за исключением быстрого развития искусства и ремесел [4, с. 260].

Ценность вклада А. В. Экземплярского в изучение русского средневековья заключается не только в проделанной им огромной по своим масштабам работе по созданию справочного пособия о князьях татарского периода, но и в тех оценках, замечаниях, характеристиках, которые он оставлял по ходу изложения. Он предстает вполне самостоятельным и самобытным историком, по праву занимающим заслуженное, достойное место в русской историографии эпохи Средневековья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2004. 384 с.
2. *Ростовцев Е. А., Баринов Д. А.* Столичная и провинциальная профессура российских университетов: опыт просопографического исследования (1884–1917) // Вопросы истории. 2020. № 11. С. 237–249.
3. Руководители и сотрудники Библиотеки РАН XVIII–XIX вв. СПб., 2006. 55 с.
4. *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1: Великие князья Владимиро-Московские СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1889. . 474 с.

5. *Экземлярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2: Владетельные князья владимирских и московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1891. 696 с.
6. *Экземлярский А. В.* Ярославские владетельные князья. Ярославль: Тип. губернского правления, 1887. 68 с.
7. *Экземлярский А. В.* Ростовские владетельные князья. Ярославль: Тип. губернского правления, 1888. 65 с.
8. *Экземлярский А. В.* Владетельные князья Белозерские. Ярославль: Тип. губернского правления, 1888. 35 с.
9. *Экземлярский А. В.* Угличские владетельные князья. Ярославль: Тип. губернского правления, 1889. 74 с.

Поступила в редакцию 27.08.2021

Котляров Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: kotlyarovd@gmail.com

D.A. Kotlyarov

A.V. EKZEMPLYARSKIY ABOUT INTER-PRINCELY RELATIONS IN RUSSIA

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-119-125

The article is devoted to the consideration of the views of A.V. Ekzemplarysky on the peculiarities of relations between Russian princes in XIII–XV centuries based on the study of specific judgments contained in his work. An attempt is made to assess the contribution of the historian to the development of the historiography of Medieval Russia. Attention is drawn to the need to study the place and role of historians of the “second plan” in Russian historical science.

Keywords: grand prince, princely destiny, inter-princely relations, "Tatar" period, historiography.

REFERENCES

1. *Brachev V. S., Dvornichenko A. Yu.* Kafedra russkoj istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta (1834–2004) [Department of Russian History of St. Petersburg University (1834–2004)]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2004. 384 p. (In Russian).
2. *Rostovcev E. A., Barinov D. A.* Stolichnaya i provincial'naya professura rossijskich universitetov: opyt prosopograficheskogo issledovaniya (1884–1917) [Capital and provincial professors of Russian universities: experience of prosopographic research (1884–1917)]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2020, no. 11, pp. 237–249. (In Russian).
3. *Rukovoditeli i sotrudniki Biblioteki RAN XVIII–XIX vv.* [Leaders and staff of the Library of the Russian Academy of Sciences in the 18th–19th centuries]. St. Petersburg, 2006. 55 p. (In Russian).
4. *Ekzemplarskij A. V.* Velikie i udel'nye knyaz'ya Severnoj Rusi v tatarskij period, s 1238 po 1505 g. [Great and specific princes of Northern Russia in the Tatar period, from 1238 to 1505. Vol. 1: Grand Dukes of Vladimir and Vladimir-Moscow]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akademii nauk Publ., 1889, 474 p. (In Russian).
5. *Ekzemplarskij A. V.* Velikie i udel'nye knyaz'ya Severnoj Rusi v tatarskij period, s 1238 po 1505 g. [Great and appanage princes of Northern Russia in the Tatar period, from 1238 to 1505. Vol. 2: Sovereign princes of Vladimir and Moscow appanages and grand and appanage sovereign princes of Suzdal-Nizhny Novgorod, Tver and Ryazan]. St. Petersburg, Tip. Imp. Akademii nauk Publ., 1891, 696 p. (In Russian).
6. *Ekzemplarskij A. V.* Yaroslavskie vladetel'nye knyaz'ya [Yaroslavl Sovereign Princes]. Yaroslavl, Tip. gubernskogo pravleniya Publ., 1887, 68 p. (In Russian).
7. *Ekzemplarskij A. V.* Rostovskie vladetel'nye knyaz'ya. Yaroslavl, Tip. gubernskogo pravleniya Publ., 1888, 65 p. (In Russian).
8. *Ekzemplarskij A. V.* Vladetel'nye knyaz'ya Belozerskie Yaroslavl, Tip. gubernskogo pravleniya Publ., 1888, 35 p. (In Russian).
9. *Ekzemplarskij A. V.* Uglichskie vladetel'nye knyaz'ya. Yaroslavl, Tip. gubernskogo pravleniya Publ., 1889, 74 p. (In Russian).

Received 27.08.2021

Kotlyarov D.A., Candidate of History, Associate Professor at Department of the History of Russia
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: kotlyarovd@gmail.com